
ВОЗВРАЩАЯСЬ К «СЛУЧАЮ МАЛЕНЬКОГО ГАНСА»

Юлия Евгеньевна ЕГОРОВА

АРХЕТИП ЛОШАДИ В ФАНТАЗИЯХ ПЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА

АННОТАЦИЯ

На основе исследования З. Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» предлагается альтернативная интерпретация расстройства Ганса в соответствии с концепцией архетипов коллективного бессознательного. Анализируются мифологические источники, выясняется символическое значение лошади. Предметы страха Ганса сопоставляются с библейскими архетипами и народными пословицами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллективное бессознательное, архетип, символ, миф, лошадь, защитные механизмы, «затопление» бессознательным.

ABSTRACT

On the basis of S. Freud's study "Analysis of the phobia of a five-year-old boy", an alternative interpretation of Hans's disorder is proposed in accordance with the concept of the archetypes of the collective unconscious. Mythological sources are analyzed, the symbolic meaning of the horse is clarified. Hans' objects of fear are compared with biblical archetypes and folk proverbs.

KEY WORDS: collective unconscious, archetype, symbol, myth, horse, defense mechanisms.

Введение

В статье «Анализ фобии пятилетнего мальчика» 1907 г. З. Фрейд интерпретировал страх Ганса перед лошадьми как симптом, замещающий страх перед отцом. В этом случае З. Фрейд видел типичное проявление Эдипова комплекса, когда мальчик хочет убить отца, чтобы жениться на матери [16, с. 228].

Несмотря на внушение и всяческие психоаналитические провокации, Ганс так и не признался в желании смерти отца. Лишь под сильным нажимом он согласился с тем, что хотел бы побыть с мамой наедине, для чего папе нужно куда-нибудь уехать. З. Фрейд пишет: «Само собой понятно, что ребенок в высокой степени внушаем и, быть может, особенно по отношению к отцу... Конечно, при анализе приходилось говорить Гансу много такого, что он сам не умел сказать; внушать ему мысли, которые у него еще не успели появиться» [16, с. 226–228].

В то же время о желании смерти младшей сестры малыш говорил добровольно и беззастенчиво, т.к. родители воспитывали его без подавления и принуждения, в любви и свободе. Поэтому З. Фрейду осталась не понятной сама причина вытеснения либидо у этого «милого в своей самоуверенности», неподавленного и раскрепощенного ребенка: «этот вопрос я оставляю открытым» – пишет З. Фрейд [16, с. 252].

З. Фрейд обращал внимание на то, что бессознательное содержание познаётся человеком лишь после того, как оно перестает быть бессознательным и переходит в сознание [17]. До тех пор, пока субъект не осознал своё психическое содержание, нельзя с уверенностью утверждать, что оно существует в его бессознательном. А поскольку желание смерти отца осознал не сам Ганс, а интерпретатор, постольку данная интерпретация остается гипотезой.

Интерпретируя расстройство Ганса, З.Фрейд не столько выявил соответствующую систему связей в его бессознательном, сколько создал её в своём сознании. Этот пример служит хорошей иллюстрацией взглядов французского философа, этнолога, культуролога Клода Леви-Стросса (1908–2009), в соответствии с которыми психоаналитическое мышление наряду с мифологическим можно уподобить интеллектуальному бриколажу [5], [6]. Ретроспективно охватывая взглядом внутренние и внешние события, психоаналитик выстраивает из них некую виртуальную структуру, тогда как те же структурные элементы можно было бы связать и по-другому.

В настоящей статье будет не столько выявлена в бессознательном Ганса, сколько создана в сознании интерпретатора другая виртуальная система связей. Мы осмелимся предположить, что Ганс даже в бессознательном не желал смерти своему отцу, и интерпретируем его расстройство в соответствии с концепцией архетипов коллективного бессознательного.

Лошадь возводится в символ ужаса

Отец Ганса приступил к исследованию ребенка в неполные три года. С точки зрения З. Фрейда, самым важным событием, повлиявшим на развитие Ганса, стало рождение сестры, когда ему было три с половиной года. Ганс не желал ее рождения и мечтал, чтобы она утонула во время купания. На вопрос отца, о чём он мечтает больше всего, малыш отвечал: «О ружье, которым можно застрелить» [16, с. 177].

В возрасте четырех лет и девяти месяцев Ганс увидел, как упала впряженная в омнибус лошадь. Он очень испугался и подумал, что лошадь умерла. После этого Ганс стал бояться выходить на улицу и постоянно фантазировал о страшных событиях, суть которых заключалась в том, что лошади могут упасть, умереть или укусить его [16, с. 185].

«Лошадь возводится в символ ужаса», – пишет З. Фрейд о психическом состоянии Ганса [16, с. 254]. Эти слова в равной мере можно отнести к целому ряду библейских сюжетов.

Лошадь – важнейший библейский символ. Лошади белого, рыжего, черного и бледного цвета по очереди представляли перед взором и наводили ужас на прп. Иоанна Богослова предзнаменованием Страшного Суда, «ибо пришёл великий день гнева Его» [Откр. 6:17]. Устрашающие образы падающих и гибнущих лошадей присутствуют в разных частях Библии (см., напр.: Аггей 2: 22, Зах. 9:10, Пс. 76: 5, 6).

Сопоставление предметов ужаса Ганса с библейскими сюжетами позволяет предположить, что в его фантазиях проявлялись архетипические образы.

Исследования К.Г. Юнга показали, что в фантазиях и сновидениях детей возраста от 3 до 5 лет проявляются наиболее интересные источники архетипических материалов. К.Г. Юнг отмечал, что когда архетип являет себя в фантазии, сновидении или в жизни, он способен порождать сильный страх. Для восприятия архетипов при психопатологии характерна идентификация субъекта с архетипическим образом, что наблюдалось и у Ганса [26], [28], [30], [33].

А.Фрейд также указывала на возможность страха перед «затоплением» бессознательным, которое становится следствием ослабления психических защит [14].

Разрушение защит

Затопление психики бессознательными содержаниями является признаком психоза и наблюдается при ослаблении механизмов психической защиты [15], [33], [35].

Психоаналитическая терапия направлена на ослабление защит, которое является правомерным средством при неврозах. При психозах же, когда защиты и без того ослаблены, еще большее их разрушение способно привести к обострению болезни.

А поскольку в раннем детстве «Я» ещё крайне уязвимо и слабо, психоаналитический метод в этом возрасте также может привести к разрушению защит, «затоплению» бессознательным и возникновению психоза.

Психоаналитическое вмешательство обычно становится следствием психического расстройства, а в случае Ганса – наоборот, начало исследования в 3 года предшествовало расстройству, возникшему в 4 $\frac{3}{4}$ года. Поэтому его заболевание вполне могло стать следствием разрушения защит психоаналитическим вмешательством и представлять собой психотический страх перед «затоплением» бессознательным.

Ниже будет совершен краткий экскурс по ряду мифологических источников для обоснования этой гипотезы и выяснения символического значения лошади, которое этот образ мог иметь в фантазиях Ганса.

Символизм коня

В мифах многих народов мира образ коня неразрывно связан с Богом Солнца. Кони несут солярных Богов – Гелиоса, Ра, Индру, Мардука – по небу, описывая солнечный цикл и перемещаясь из начала в конец и из конца в начало, как бы провозглашая: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» [Откр. 1:8].

Удерживать небесных коней под силу только Богу Солнца. Тот, кто попытается это сделать вместо Него, может погибнуть, как это произошло с древнегреческим героем Фазтоном. Разгневанный Зевс насылает молнию на его коней, тьма ослепляет героя, он лишается зрения, падает на землю и разбивается. Другой герой греческого мифа Беллерофонт тоже захотел стать подобным богам. Он поднимается на гору Олимп на белом крылатом коне Пегасе, который парит в небесах, словно орёл. Пегас сбрасывает Беллеронфа, он падает с коня и лишается разума. Данная сюжетная линия повторяется в мифологии разных стран [4], [8] (ср.: «И если бы ты, словно сокол, поднялся высоко и среди звёзд свил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь», Авд. 1:4).

Исследования К.Г. Юнга показали, что символическое значение лошади в древних источниках, как правило, связано с различными психологическими функциями, такими как интуиция, прорицание, оберег. По мнению К.Г. Юнга, исследование З. Фрейда выявило связь образа лошади со страхом [27].

Психологические процессы и операции связываются с этим образом также в народных пословицах и поговорках, которые представляют определенную новизность мифологического мышления. Например: «Не пришей кобыле хвост»; «Я не я, и лошадь не моя»; «И слепая кобыла везет, коли зрячий на возу сидит»; «Бред сивой кобылы»; «Надзором и лошадь сыта»; «Счастье на коне, несчастье под конём» и другие [10].

В Библии практически открытым текстом сказано, что кони обозначают явления духовного плана: «...кони рыжие, вороные, белые и пегие; это выходят четыре духа небесных...» [Зах. 6: 1–8, 15].

Новое – хорошо забытое старое

Миф – древнейшая форма осмысления реальности, предполагающая описание и познание мира с помощью символических соответствий между психологическими и физическими явлениями.

Согласно З. Фрейду, способность устанавливать символические соответствия между предметами и явлениями является универсальной, повсеместной, одинаковой для всех закономерностью, относящуюся к архаическому наследию человека [23]. З. Фрейд считал мифологическую картину мира проекцией психологической реальности на внешний мир [20].

К.Г. Юнг пришел к выводу о том, что мифы не пересказывают древнюю историю, а на символическом языке изображают душевные явления. Мифологические образы и сюжеты являются символическими репрезентациями психических содержаний коллективного уровня [29].

Не имея специального понятийного аппарата для обозначения психологических явлений, древние мифотворцы зашифровывали их в символические образы материального мира. Если они хотели передать смысл духовного озарения, они изображали солнце, чтобы поведать о глубинах души, они рисовали море, человеческую речь они могли изобразить в виде реки. Символическим значением наделялись самые разные физические объекты – природные, произведенные человеком, абстрактные геометрические формы. Фактически весь космос и любая его часть представляла для древних мифотворцев потенциальный символ [35].

Великий шведский учёный, мыслитель, провидец Эммануэль Сведенборг (1688–1772) выяснил, что в древние времена существовала целая *наука соответствий*, которая почиталась выше всех остальных наук, особенно в восточных странах. Она изучала соответствия между буквальным смыслом слов, обозначающих физические явления, и их символическим психологическим смыслом. Сообразно принципам этой науки написаны все священные Откровения [12].

Концепция универсальной символической связи З. Фрейда и концепция архетипов К.Г. Юнга во многом представляют возвращение к древней науке соответствий. Э. Сведенборг еще раньше работал над возрождением этой науки, изложил ее основы в книге «Иероглифический ключ...» 1757 г. [36], и написал огромное количество комментариев к библейским текстам с интерпретациями их символического духовного смысла (см., напр., [11], [12]). Великий учёный понял, что каждому физическому

событию, описываемому в Священных писаниях буквально, символически соответствует психологическое явление. Буквальный смысл древнего текста соотносится с психологическим, как манифестный с латентным.

К такому же выводу пришел великий индийский мыслитель, поэт, учёный, переводчик, революционер, Мастер йоги, Великий Аватар Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950) в процессе перевода и интерпретации древних Вед [25].

Великий переход

Веды – сборник молитв и гимнов Богам (нач. ок. XVI в. до н.э.), древнейшее Откровение, написанное на языке символических соответствий.

Шри Ауробиндо исследовал особую систему шифрования латентного смысла Вед, связанную с общим происхождением разных слов из одного корня. В древности у человечества был всего один язык, от которого произошли современные языки. Это предание отражено в библейской притче о Вавилонской башне [Быт. 11:1–9]. В связи с общим происхождением разных языков один и тот же корень может нести глубинный смысл, общий для многих слов разных языков. Поэтому корни слов могут использоваться для передачи их глубинного смысла, скрытого в коллективном бессознательном. В соответствии с этим принципом, например, слово «конец», «закон» или «кон» может быть зашифровано однокоренным «конь» или изображением коня. Когда всадник на *коне*, его жизнь на *кону*, ему может прийти *конец*. – Это следует из выше упомянутых мифов о Фазтоне и Беллерофонте. Данную символическую связь можно считать универсальной, инвариантной относительно языка.

Санскритские корни *aśva* (конь) и *go* (корова) входят в словосочетание "*gomatī aśvavatī*", означающее Зарю – универсальный символ Озарения. На этом основании Шри Ауробиндо интерпретирует обилие коней и коров как богатство *умственной озаренности*. Символическую функцию коня как олицетворения Разума также демонстрирует строка Вед: «Пусть впрягутся девяносто девять и принесут тебя, те, кто запряжен разумом» [25, с. 300].

Движение коней Шри Ауробиндо интерпретирует как направление души к более высокому духовному уровню, а разные их масти – как разные уровни и аспекты духовного познания.

Согласно Шри Ауробиндо, на «конях» духовного озарения человеческая душа проходит путь внутренней борьбы Истины с Ложью. Древние Риши, записавшие Веды, назвали этот путь «Великим переходом». На этом великом пути они обретали духовную Истину, которую в Ведах символизирует золото, и добывали *амриту* – «нектар богов», приносящий бессмертие душе и телу [25].

Великое делание

Аналогом Ведийского «нектара богов» является «эликсир бессмертия», добываемый в алхимическом процессе «Великого делания».

Исследованию алхимии и ее символики К.Г.Юнг посвятил свой сорокалетний труд «Психология и алхимия» [31]. Алхимический процесс – это магический ритуал, который представляет собой сложную последовательность химических процессов. Этот ритуал символизирует психические преобразования в человеке и направлен на их осуществление. В идеале конечным продуктом химических превращений должно стать золото, которое, как и в Ведах, символизирует обретение человеком совершенства и бессмертия.

Главное символическое животное алхимии – дракон, конь в алхимических трактатах появляется реже. Общий корень слов «конь» и «дракон» – не случайность. В древних источниках конь и дракон обычно противопоставляются друг другу как противоположные аспекты одного и того же символического смысла [27].

Дракон олицетворяет «раздракование» – расчленение души на составные части, подобно химической диссоциации. Такова же суть психоанализа, в процессе которого наблюдающее «Я» расщепляет психические состояния на составные компоненты. Для сравнения: в Ведах функция расчленения представлена образом волка: санскритское *vṛka* (волк) буквально означает «разрыватель» [25].

Противоположный аспект объединения представлен в алхимических трактатах образом коня, поднимающего всадников по «лестнице философского камня» (*Scala lapidis*). Этот образ символизирует прохождение четырёх стадий Великого делания (нигредо [чёрная], альбедо [белая], цитринитас [желтая], рубедо [красная]). Здесь, как и в Ведах, конь персонифицирует средство передвижения к духовным высотам. В христианстве аналогией алхимической «лестницы камня» является *лествица небесная* [Быт. 28: 12–15]. Её ступени символизируют добродетели, достижением которых христиане должны восходить к духовному совершенству [9].

К.Г. Юнг сопоставлял алхимический процесс с *индивидуализацией* – Великим деланием человеком самого себя, в результате которого проявляется Самость, внутренний Судья, или Господь Бог внутри человека [31], [34].

Исследование Господом

Последняя часть Нового Завета – Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис (I в. н.э.), – в манифестном смысле повествует о войнах, убийствах, катаклизмах, грозящих человечеству в наказание за грехи. Латентный смысл Откровения в весьма сложных символических образах описывает духовные сра-

жения и потрясения в процессе внутреннего Суда (ср.: алхимический сосуд – место внутреннего суда. Синоним «котелок» – голова, в которой «перевариваются» мысли. Данная символическая связь универсальна – инвариантна относительно языка).

Интерпретации латентного смысла Апокалипсиса посвящен великий труд Э. Сведенборга «Апокалипсис открытый» [11]. В этой книге войны интерпретируются как олицетворение духовных битв; орудия духовной борьбы соответственно символизируют все военные атрибуты (стрелы, мечи, щиты), в число которых входит конь – неперемный участник военных сражений.

Исследование Господом человека на предмет его понимания Истины и праведности его жизни – такую интерпретацию дает Э. Сведенборг латентному смыслу шестой главы Апокалипсиса. Именно в этой главе описывается Божий Суд над человеком с участием коней четырёх цветов, каждому из которых соответствует свой аспект «исследования Господом». Всаднику на белом коне предназначено побеждать [*душевную слабость*], на рыжем коне – забрать мир [*из души*], на чёрном коне – измерять и взвешивать [*душу на весах Фемиды*], на бледном – убивать [*зло в душе*] (ср.: символические цвета стадий алхимического процесса практически те же – белый, красный, черный, желтый).

Э. Сведенборг дает следующую интерпретацию образу коня: «Конь означает разумение, а его всадник – того, кто разумеет». При этом «зрение человеческого духа называется разумением» [11], [12]. Очевидно, «зрение человеческого духа», или «разумение» по Э. Сведенборгу можно сопоставить с современным научным представлением о рефлексии с помощью наблюдающего «Я».

Обобщая выше сказанное, мы приходим к следующему выводу о символическом значении коня. Конь как физический объект приподнимает человека над землёй и увеличивает скорость его передвижения. В символическом смысле духовного видения «конь» приподнимает приземлённого человека над своей низменной природой и ускоряет его продвижение в духовном познании.

Как известно, З. Фрейд также любил использовать военные метафоры для описания внутриспсихических конфликтов и даже сравнивал бессознательные процессы с мифологическими героями [21]. В известной метафоре он сопоставил инстанцию «Оно» с конём, которым пытается управлять всадник – инстанция «Я» [24]. Несмотря на видимое различие интерпретаций З. Фрейда и Э. Сведенборга, они имеют и много общего. Инстанция «Я» (всадник) содержит наблюдающую часть, которая осуществляет функцию духовного надзора. При этом само духовное зрение («конь») может оставаться бессознательным потенциалом.

Поскольку в латентном смысле Апокалипсиса, согласно интерпретации Э. Сведенборга, идёт речь о духовном исследовании при помощи духовного зрения, не

удивительно, что такой латентный смысл обнаруживает параллели с сущностью психоаналитического исследования.

Появление четырёх коней Апокалипсиса сопровождается последовательным снятием печатей с книги Сидящего на Престоле [Господа], которое Э. Сведенборг интерпретирует как «открытие духовных очей». Этот смысл сопоставим с идеей З. Фрейда о разных уровнях психоаналитического исследования, в ходе которого слой за слоем раскрываются различные психические образования при помощи наблюдающего «Я» [16].

При открытии духовных очей, по Э. Сведенборгу, происходит «исследование Господом состояний жизни тех, которые внутренне были злы, и над кем будет произведен Суд» [11]. Этот взгляд вновь перекликается с сущностью психоаналитического исследования в понимании З. Фрейда:

«Анализ замещает автоматический и экспрессивный процесс вытеснения планомерной и целесообразной переработкой при помощи высших духовных инстанций – пишет З.Фрейд об исследовании Ганса. – Одним словом, он замещает вытеснение осуждением» [16, с. 258].

Не случайно маленький Ганс недоумевал: «Неужели профессор разговаривает с Богом?» «Я был бы необычайно горд этим признанием из детских уст, – пишет З. Фрейд, – не будь оно спровоцировано моим шутливым хвастовством» [16, с. 180–181].

Устами младенца глаголет истина

Продemonстрируем соответствие высказываний Ганса о своих страхах библейским образам.

Прежде всего, Ганс был потрясен падением лошади, и с тех пор боялся увидеть, как лошади будут падать и умирать. Он говорил: «Я боюсь, что лошади упадут во время поворота» [16, с. 183]. «Я думаю, что когда ломовые лошади тянут тяжелый фургон, они могут упасть ... Когда лошадь в мебельном фургоне опрокинулась, я так сильно испугался!» [16, с. 186]. Отец: «Лошадь умерла после того, как упала?» Ганс: «Да» [16, с. 187]

В рамках небольшого отступления напомним еще один исторический пример неизгладимого впечатления от падения лошади. Каждому со школьных лет знакома пронзительная строка В.В. Маяковского (1893–1930): «Лошадь упала! Упала лошадь!» Эта картина вызвала глубочайший резонанс в душе поэта и вдохновила его на создание одного из самых лучших и известных стихотворений «Хорошее отношение к лошадям» [7].

Согласно Библии, падением и гибелью лошадей Бог должен наказать человечество за грехи. Если конь символизирует разумение, то сокрушение и истребление коней должны означать противоположное – потерю разума, духовную слепоту, в соответствии с древней пословицей: «Если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума». Например: «Я ниспровергну престолы царств, опрокину колесницы и сидящих на них, и низринуты будут кони и всадники их» [Аггей 2: 22]. «Тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме...» [Зах. 9: 10]. «От упрека Твоего [Божьего] колесница и конь пали оглушенные» [Пс. 76: 5, 6].

Отец мягко упрекнул Ганса в желании смерти сестры: «А хороший мальчик этого все-таки не желает». Ганс возразил: «Но думать ему можно» [160, с. 204]. На сознательном уровне он совершенно не раскаивался, но его бессознательное могло воспринять упрек Отца.

З. Фрейд интерпретировал фобии животных как смещение страха перед отцом, корнем которого является филогенетически унаследованная память о жестоком первобытном отце. Т.к. из бессознательной памяти об этом отце у людей сформировалось представление о Боге, образ Бога, согласно З. Фрейду, замещает в психике человека отца [22].

Имеет право на существование и противоположная гипотеза: отец может замещать Бога. В соответствии с концепцией З. Фрейда о наследовании бессознательной памяти, мифологические образы, в том числе, Божий Суд, являются неотъемлемой частью архаического наследия, и с этого глубокого уровня оказывают влияние на судьбу и душевное здоровье человека [23]. Поэтому упрек отца в желании смерти сестры мог вызвать у Ганса отклик на глубоком уровне бессознательного, напомнив о Божьем упреке, от которого пали кони. Разговор Ганса с отцом о желании смерти сестры, по нашему мнению, мог стать толчком к психическому расстройству.

Несмотря на то, что З. Фрейд называл Ганса «маленьким Эдипом», он писал: «Я уже раньше говорил отцу, что фобия Ганса может быть сведена к мыслям и желаниям, связанным с рождением сестренки» [16, с. 206].

Правда глаза колет

Ганс боялся падения лошадей, как выясняется, в связи с их излишней гордостью: «Я боюсь, потому что лошади так горды, что они упадут» [16, с. 212]. Согласно Библии, за излишнюю гордость положено страшное наказание, например: «В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим» [Ис. 14: 11].

Шума, производимого лошадьми, Ганс также боялся: «Я испугался, потому что она [лошадь] ногами производила шум» [16, с. 186]. Шум и грохот в Библии служат

устрашением и связываются с наказанием за пороки, например: «Горе городу кровей, весь он полон обмана, ржания коня и грохота скачущей колесницы» [Наум 3: 1–4].

Ганс, наконец, боялся, что его укусит белая лошадь.

Э. Сведенборг интерпретирует библейский образ белой лошади как видение духовной Истины, её всадника – как зрящего эту Истину [11].

«И увидел я отверстие неба, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует... Из уст Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы» [Откр. 19: 11–15].

Латентный смысл этих строк заключается в том, что человек видит духовную Истину, когда его судит верный и истинный внутренний Судья, который Словом, словно мечом, поражает зло в его душе.

Духовная сила Слова сравнивается с различными материальными силами во многих пословицах и поговорках, например: «Слово не меч, а сердце пронзает». «Не меча бойся, – языка». «Слово кстати – острый меч» [10]. Пословицу «Слово жжет хуже огня» можно сопоставить со следующими строками Откровения:

«И изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв – от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, погибла третья часть людей. Ибо сила коней была во рту их» [Откр. 9: 17–19].

Маленький Ганс также ощущал, что сила коней была во рту их, и жаловался: «Больше всего я боюсь лошадей, которые имеют что-то у рта... у них есть что-то черное у рта» [16, с. 185].

Если лошадь символизирует видение истины, то страх перед исходящим из ее рта, в том числе укусом, должен замещать бессознательный страх перед словом Истины и соответствовать пословице: «Правда глаза колет».

Другой пятилетний мальчик, исследованный З. Фрейдом в работе «Из истории одного детского невроза», тоже желал другим смерти, убивая маленьких беспомощных животных, и тоже боялся белых зверей – волков [19]. Его страх перед волками был интерпретирован нами ранее как страх возмездия за убийство братьев наших меньших. В облике белых волков, по нашему мнению, этому мальчику с коллективного уровня явилась Совесть [3].

Можно предположить, что в подобных случаях страх перед животными замещает глубоко бессознательный страх перед Страшным Судом (совести).

Животные – символ Бога

В мифологии всех народов мира боги, аспекты и атрибуты божественности почитаются в образе животных. Так, древние вавилоняне воплотили своих богов в знаках Зодиака – овне, быке, льве, скорпионе, раке, рыбах. В египетской мифологии одним

из символов Бога Солнца Ра является кот, скатывающийся в кружок, подобный солнечному циклу (в аспекте объединения), в противоположном аспекте расчленения – крокодил. Другой аспект Ра олицетворяет скарабей, который, словно Солнце, катит шарик из навоза – символ нашей грешной Земли. Бога Амона египтяне изображали с головой барана, бога Тота – с головой ибиса или павиана, богиню Хатор – с головой коровы. Корова – Млекопитательница и символ духовного Света – почитается как священное животное также в Индии. Индийский бог удачи изображается с головой слона, бог Вишну – в виде кабана, а бог Хануман – в виде обезьяны. В древнегреческой мифологии бог Зевс изображается в виде лебедя, быка или орла. В германской мифологии богиню любви и войны Фрейю представляет кот, а бога войны и победы Водана – кабан, ворон или лошадь. Символом Святого Духа является белый голубь. Иисуса Христа могут символизировать агнец, рыба, змея, и единорог – мифический одноногий конь [1], [31], [35].

В отличие от современного человека, чей разум затуманен материальными ценностями, древние, возможно, ощущали эту ассоциацию по сходству – с совершенством внешней формы, с абсолютной чистотой души, отсутствием «суеты сует», корысти, зависти, алчности и прочих человеческих пороков. Всё это способно вызвать подчас самую возвышенную и преданную Любовь, в противоположном аспекте – Страх перед невиданной звериной силой, хитростью и ловкостью.

Исследования З. Фрейда показали, что психика ребенка имеет много общего с древним человеком, в том числе в отношении к животным [16], [22]. Ребенок, как древний человек, может неосознанно ощутить в животном связь с Божеством и при особых обстоятельствах испытать перед ним Божий Страх.

Возможно, родители читали Гансу Библию, и позже он криптомнестически отыгрывал в своих фантазиях запавшие в его душу образы. Или – выпавшие из его души, так как З. Фрейд выяснил, что память древних преданий содержится в бессознательном каждого человека, наследуясь филогенетически [23]. Той же позиции по этому вопросу придерживался К.Г. Юнг [28].

По изложенным выше причинам образы животных способны пробуждать филогенетически унаследованный страх как архетипы, связанные со Страшным Судом и наказанием за грехи.

Закон – что дышло, как повернул, так и вышло

Путь человеческого познания исходит от древнего мифа, и возвращается к мифу как инструменту психоаналитического изучения внутреннего мира человека.

Создатель школы этнографического структурализма К. Леви-Стросс сопоставлял психоаналитическое мышление с мифологическим, считая первое современной

формой второго. Как при построении психоаналитической интерпретации, так и в мифотворчестве происходит создание структуры психической реальности на основе её символов и метафор. Психоанализ апеллирует к мифу по той причине, что эти структуры в обоих случаях выстраиваются на основе одних и тех же закономерностей.

Согласно концепции коллективного бессознательного К.Г. Юнга, в бессознательном содержатся всеобщие изначальные мифологические формы и взаимосвязи. Так как мифы всегда отражают ту или иную религиозную традицию, в их создании, по К.Г. Юнгу, проявляется *подлинная религиозная функция бессознательного*. Её сущность заключается в символизации душевных потенциалов человека различными религиозными образами и сюжетами [28], [32].

К. Леви-Стросс независимым путём пришел к аналогичному выводу о том, что наше бессознательное представляет совокупность виртуальных мифологических структур, набор которых одинаков для всех людей. Бессознательное осуществляет функцию символизации и сводится к совокупности законов символизации, управляющих формированием этих мифологических структур [6].

Согласно К. Леви-Строссу, особые обстоятельства в жизни субъекта, в том числе травма, могут спровоцировать формирование структуры психического расстройства по образцу одной из имеющихся в его бессознательном мифологических форм. В связи с этим задача психоаналитика сводится к угадыванию того мифа из набора потенциально возможных, который в конкретном случае послужил катализатором психического расстройства по своему образцу.

3. Фрейд полагал, что структура психических расстройств воспроизводит структуру манифестного смысла мифа об Эдипе во многих случаях, в том числе в случае Ганса. Как было показано выше, тот же исследовательский материал может быть структурирован с помощью другого мифа. Психическое расстройство Ганса может быть интерпретировано и как невротическая фобия, и как психотический страх перед «затоплением» бессознательным. «Закон – что дышло, как повернул, так и вышло». К тому же одновременное проявление невротической и психотической симптоматики – обычное явление при психозах [13].

Более того, в свете идей К. Леви-Стросса ничто не мешает предположить, что психическое расстройство было катализировано не одной, а несколькими мифологическими структурами по типу сгущения: «Семь бед – один ответ». Ганс мог желать смерти отцу, сестре, и/или им обоим, и именно по этой причине в его бессознательном возник страх наказания, который манифестировали падающие, гибнущие и кусающие его в его фантазиях лошади.

Сверхдетерминация присуща как мифологическому, так и психоаналитическому мышлению. 3. Фрейд выдвинул идею сверхдетерминации при обосновании возможности не одной, а нескольких причин у образов сновидений и симптомов [2], [21].

В мифологии, как и в психоанализе, сверхдетерминация отражает многозначность, многогранность и многоплановость явлений. С одной стороны, один и тот же мифологический образ в разных контекстах несет разный символический смысл: животное может символизировать и бессознательное, и Бога (кстати сказать, истинная сущность Бога чаще всего содержится именно в бессознательном). С другой стороны, один и тот же смысл могут символизировать разные образы, представляя разные аспекты этого смысла: Бога олицетворяют и животные, и люди, и архитектурные сооружения, и геометрические фигуры, так как всё это присутствует в Боге и Бог присутствует во всём [35].

Бога и Его творения древние мифотворцы воспринимали интуитивно, всей глубиной своей души, а не доказывали их существование с помощью обычной логики, выводящей следствие из причины. Они так же постулировали первопричинность Бога, как З. Фрейд постулировал эдипальное желание смерти отца – без прямых доказательств, на основе интуитивного понимания смысловых соответствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадж Е.А. Уоллис. Путешествие души в царстве мёртвых. Египетская книга мёртвых. – М.: Царёв В.П., 2000.
2. Брейер Й., Фрейд З. Исследование истерии. – СПб.: ВЕИП, 2005.
3. Егорова Ю.Е. Влияние религиозных архетипов на образование психопатологических симптомов / PSYMEDIA. Онлайн-журнал о психологии и психоанализе. Проект ВЕИП: [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.media/влияние-религиозных-архетипов-на-обр/> (дата обращения: 21.08.2020).
4. Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. – М.: Фирма СТД, 2006.
5. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступит. ст. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
6. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. В.В. Иванова. – М.: АСТ, 2011.
7. Маяковский В.В. Стихотворения и поэмы. – М.: Дет. лит-ра, 2020.
8. Мифы народов мира: в 2-х тт. – М.: Советская энциклопедия, 1980.
9. Прп. Иоанн Лествичник. Лестница, или Скрижали духовные / русский пер. с алф. указателем, 5-е изд. Козельской, Введенской Оптиной пустыни. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898; М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1944. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnyie/ (дата обращения: 20.08.2020).
10. Русские пословицы и поговорки / под ред. Л.И. Янцевой. – М: Центрполиграф, 2009. – 383 с.
11. Сведенборг Э. Апокалипсис открытый. – СПб.: Азбука, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://padaread.com/?book=6895&pg=1> (дата обращения: 15.08.2020).

12. Сведенборг Э. Конь белый / пер. М. Глебова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.michaelglebov.ru/web/sw/small24.php> (дата обращения: 08.08.2020).
13. Снежневский А.В. Клиническая психопатология. Руководство по психиатрии: в 2-х тт. – М.: Медицина, 1983.
14. Фрейд А. Детский психоанализ. – СПб.: Питер, 2003. – 477 с.
15. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. – М.: Педагогика, 1993.
16. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика / Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. – М: Когито-Центр, 2007. – С.147–262.
17. Фрейд З. Бессознательное / Фрейд З. Основные психоаналитические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. – СПб.: Артрейя, 1998. – С. 151–193.
18. Фрейд З. Вытеснение / Фрейд З. Основные психоаналитические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. – СПб.: Артрейя, 1998. – С. 108–123.
19. Фрейд З. Из истории одного детского невроза / Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. – М: Когито-Центр, 2007. – С. 263–370.
20. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 224 с.
21. Фрейд З. Толкование сновидений. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
22. Фрейд З. Тотем и табу / Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии. – М.: Фирма СТД, 2008. – С. 287–445.
23. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия / Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии. – М.: Фирма СТД, 2008. – С. 455–581.
24. Фрейд З. Я и Оно. – СПб.: Азбука-классика, 2014.
25. Шри А. Тайна веды. – СПб.: Адити, 2004.
26. Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного / Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Д., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М: Серебрянные нити, 2013.
27. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы / Шедевры мировой науки. Библиотека психоаналитической литературы / под об& ред. М.М. Решетникова. – СПб.: ВЕИП, 1994.
28. Юнг К.Г. Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное / Юнг К.Г. Психика: структура и динамика. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005.
29. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
30. Юнг К.Г. Психологические основания веры в духов / Юнг К.Г. Сочинения. Т. 8. – М.: Когито-Центр, 2008. – С. 341–360.
31. Юнг К.Г. Психология и алхимия. – М.: АСТ, 2008.
32. Юнг К.Г. Психология и религия / Юнг К.Г. Архетип и символ. – М: Канон + Реабилитация, 2015.
33. Юнг К.Г. Работы по психиатрии / пер. В. Зеленского. – СПб.: Академ. проект, 2000. – 304 с.
34. Юнг К.Г. Эон. Исследование феноменологии самости. – М.: АСТ, 2009.
35. Яффе А. Символы в изобразительном искусстве / Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Д., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М: Серебрянные нити, 2013.
36. Swedenborg E. Clavis hieroglyphica arcanorum naturalium & spiritualium. – London: Londini Typis R. Hindmarsh, 1784. [Электронный ресурс]. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=ZwtXAAAACAAJ&hl=ru&pg=GBS.PA5> (дата обращения: 20.08.2020).